

В Le Club Грянула эволюция

Грег Абате выступил в Москве

КоммерсантЪВ. — 2005. — 20 янв. — с. 22

концерт джаз

В первый из четырех вечеров в Москве только что номинированный на Grammy саксофонист играл скромно и без затей. Что вызвало у БОРИСА БАРАБАНОВА чувство искренней симпатии.

Прежде всего, нужно сразу разобраться с его фамилией. Большинство обозревателей в анонсах транскрибировали фамилию Abate в соответствии с привычной фонетикой то Абейт, то Эбейт. Не избежал этой ошибки и корреспондент „Ъ“. Но достаточно увидеть этого господина один раз на сцене, чтобы без подсказки понять, что он, безусловно, Абате. Саксофонист с мировым именем выглядит абсолютным мафиозо, словно только что выскочившим из «Клана Сопрано» прямо на подмостки Le Club. Этот 57-летний брюнет с чертами Энтони Куинна словно специально одевается на сцене в простую черную толстовку и кремовые джинсы, а не в цветастые рубашки, бирюзовые штаны и лаковые туфли, чтобы погасить ассоциации с коза ностра, но его мимика все равно выдает средиземноморские корни.

Впрочем, в его игре никакого бьющего через край темперамента обнаружить не удалось. На первом из четырех концертов нынешних московских гастролей Грег Абате играл материал из собственных пластинок, делая предсказуемый упор на четырежды упомянутый в списках номинантов на Grammy альбом «Evolution». Коснулся творчества Хорэйса Сильвера, джазового новатора и прародителя фанка, в память о котором недавно записал целый альбом. Сыграл несколько стандартов Чарли Паркера и Диззи Гиллеспи.

Грег Абате играл би-боп, очень традиционный и прямолинейный, но совсем не скуч-

Под прицелом своего саксофона Грег Абате продержал публику весь вечер ФОТО ВАСИЛИЯ ШАПОШНИКОВА

ный. Все дело в том, что при общей простоте и прикладном характере его музыки конъюнктурное начало в ней все же серьезно уступает оригинальному саксофонному саунду и изобретательной фразировке. Вопреки прогнозам здешних джазовых критиков, господин Абате не мудрил — не играл длинных соло, не заходил в перфекционистских импровизациях, много давал играть русскому аккомпанирующему трио. Ближе к концу второго отделения концерта отечественные музыканты разыгрались на полную катушку, в «Орнитологии» Чарли Паркера устроили настоящую инструментальную перебранку, которую поддержал и заморский гость, а барабанщик выдал на финальном номере Диззи Гиллеспи «A Night in Tunisia» довольно громкое, хоть и не слишком изобретательное соло. Однако в целом от концерта Грега Абате все равно осталось ощущение какой-то ожившей нью-йоркской радиоточки.

Впрочем, умеренность и аккуратность — не последние качества для хорошего джазмена. Одна из зрительниц по окончании выступления господина Абате охарактеризовала его игру следующим образом: «Ну разве кто-нибудь из наших сыграл бы хуже?» Не знаю, лично у меня возникло ощущение достойного всяческих похвал чувства меры, с которым саксофонист подходит к своему делу. Уверен, его российские коллеги, в большинстве своем отягощенные комплексом джазовой провинции, играли бы в десять раз более сложные и в три раза более продолжительные партии, стараясь козырнуть всеми заученными приемами. Грег Абате — это как раз тот самый описанный на разные лады анекдотический случай, когда кто-то играет много и сложно, потому что ищет, а кто-то довольствуется малым — тем, что уже давно нашел.

Грег Абате: если я получу Grammy — отлично, если нет — ничего страшного

С ГРЕГОМ АБАТЕ, номинантом на Grammy-2005 в категориях «Джазовый альбом года», «Лучшее инструментальное джазовое соло», «Лучший джазовый инструментальный альбом» и «Лучшая джазовая инструментальная аранжировка» побеседовал БОРИС БАРАБАНОВ.

— Что связывает вас с Москвой?

— Я в Москве во второй раз. В первый раз мы приехали сюда сразу после гастролей в Грузию. Мы играли с русским барабанщиком — имя я запомнил, также приезжали мои музыканты: басист Харви Шварц и пианист Марк Соскин. Тогда я играл меньше — только два вечера. Но зато успел посмотреть Москву, сходить на Красную площадь — ну в общем, увидел самое важное. К тому же в Москве у меня есть друг — Игорь Бутман. Я стараюсь по возможности чаще

встречаться с ним, ведь мы вместе учились в музыкальном колледже в Беркли, играли вместе. Я, к сожалению, не слышал его биг-бенд, так что о том, что он играет сейчас, я имею представление только по его недавним концертам в Айдахо. Лично мне очень нравится, как он играет. Большинство джазменов в США знают его, и публика тоже.

— Что вы, как человек, работавший в оркестре Рэя Чарльза, можете сказать о фильме «Рэй», который был представлен в двух номинациях на «Золотой глобус» и за который в итоге Джейми Фокс получил награду как исполнитель роли Рэя Чарльза?

— Думаю, им удалось поймать суть. Джейми Фокс — отличный выбор на роль Рэя. Ему пришлось немало поработать, чтобы передать индивидуальные черты Рэя, передать то, насколько искренним, теплым человеком был Рэй, насколько важным для

него было понятие «честность», насколько эмоциональным и эксцентричным он был. Я считаю, что достижение именно в том, что в фильме есть точно переданные черты Чарльза-человека, потому что Чарльза-музыканта мы все знаем, а вот о том, что у него было на душе, знали только близкие.

— Как Рэй Чарльз руководил своим оркестром? Ведь он не видел музыкантов.

— Да, это действительно интересно, перед ним было двадцать человек, двадцать инструментов. Он очень хорошо знал, что ему от них надо. У каждого были ноты, мы играли пьесу в первый раз, и Рэй на слух определял, кто из нас играет то, что ему требуется, а кто ошибся. И поправлял ошибки. То, что он был слепой, совершенно не мешало его работе, ведь он руководствовался своим чутьем! И ничего не упускал из виду. И еще в нем было какое-то внутреннее теп-

ло, которое передавалось нам, музыкантам оркестра, когда он садился за рояль. Да я думаю, и вы чувствуете его, когда смотрите видеозаписи Рэя.

— Я знаю, что вы также успели поработать с Арти Шоу...

— Да, мне повезло, это был короткий период в 80-е, когда он снова дирижировал своим оркестром. В основном бэндом руководил Дик Джонсон, но Арти время от времени тоже выходил с нами на сцену. Представляете, ему было 78 лет! И он по-прежнему был в отличной форме! Позднее я включал в свои программы его пьесы «Dancing In The Dark» и «They Say It's Wonderful», ну а потом моя музыка двинулась в другом направлении.

— Можете как-то охарактеризовать то, куда она пришла?

— Modern old jazz. Понимаете, да? Я приверженец старой школы, но у меня современный подход даже к классическим стан-

дартам. Я не боюсь менять какие-то гармонии, аранжировки, так что вы эти темы можете даже и не узнавать поначалу в моем исполнении. В моих работах, я надеюсь, достаточно новаторства. — Что вы можете сказать о вашем альбоме, который выдвинут на Grammy?

— Альбом «Evolution» записывался в 2002 году в Нью-Йорке. На пианино играл Джеймс Уильямс, на басу — Харви Шварц, на барабанах — Билли Харт. Я играл на саксофоне и на флейте. Я сочинил там всю музыку от начала до конца, и каждая пьеса — это история о каком-то периоде моей собственной жизни. Каждый из этих кусков биографии — часть моей личной эволюции, фрагмент того, чем я в конце концов являюсь на сегодняшний день. Grammy — часть гонки за популярностью, часть индустрии развлечений. Если я получу ее — отлично, если нет — ничего страшного.